

Мартин Лютер

Из переписки Мартина Лютера и Эразма Роттердамского

Лютер М. Из переписки Мартина Лютера и Эразма Роттердамского
ЛЮТЕР—ЭРАЗМУ [28 марта 1519 г.]

Приветствую тебя! Я так часто говорю с тобой и ты со мной, Эразм, краса наша и надежда, а мы до сих пор не знаем друг друга: но чудовишно ли это? Нисколько не чудовишно — вполне обычное дело! Есть ли такой человек, которого до глубины сердца не занимал бы Эразм, которого не учил бы Эразм, в котором не царствовал бы Эразм? Я говорю о тех людях, которые действительно любят науки. Ибо меня весьма радует, что среди прочих даров Христовых есть у тебя и тот, что ты многим не нравишься: так я обычно отличаю дары Бога милостивого от даров Бога гневного. Поэтому меня радует, что ты весьма нравишься всем хорошим людям, но не менее того не нравишься тем, которые одни только хотят быть выше всех и весьма нравятся.

Но я, глупец, незнакомый к незнакомому, обращаясь к тебе, такому человеку, с немытыми руками, без предварительных слов уважения и почета, словно к самому близкому. Ты по своей доброте согласишься в мое уважение и неискушенность — ведь я, потеряв годы среди софистов, нисколько не выучился тому, как надлежит в письме приветствовать просвещенного человека. В противном случае я давно бы уже утомил тебя множеством писем и не отказался бы постоянно слушать тебя одного в своей келье,

Теперь, когда от милейшего Фабриция Капитона^[1] я узнал, что из-за этих пустяков с индульгенциями тебе стало известно мое имя, а из твоего недавнего предисловия к «Энхиридиону» узнал, что ты не только видел, но и принял мои побасенки, я должен почтить твой выдающийся дух, обогащающий и меня, и всех людей — пусть даже я и сделаю это наиварварским языком. Хотя я и знаю, что для тебя будет иметь весьма мало значения письменное выражение моей любви и благодарности — ты весьма сдержан, твой дух пылает скрытой благодарностью и любовью к Богу, для нас ты и без писем, без личных разговоров значишь очень много, однако стыд и

586

совесть на дозволяют мне пренебречь словесной благодарностью, особенно после того, как мое имя стало тебе известно. Мое молчание может показаться злобным и произвести гораздо худшее впечатление. Поэтому, любезный мой Эразм, если тебе так покажется, знай, что пишет тебе ничтожный брат во Христе, чрезвычайно ревностный и преданный; впрочем, по невежеству своему он не заслуживает ничего, кроме безвестной могилы: о нем по знает ни небо, ни солнце. Всеми силами я всегда желал быть таким, чтобы как можно лучше сознавать свои возмездия, однако неведомо, как все вышло совсем по-иному, и я вынужден, к великому своему стыду, претерпеть бесславие и обнаружить перед учеными людьми свое несчастное невежество.

Филипп Меланхтон живет счастливо, если не считать того, что все мы опасаемся, как бы чрезмерные занятия науками не повредили его здоровью. Как и подобает его цветущему возрасту, он пылко стремится делать все сразу. Ты поступишь очень хорошо, если наставишь его в письме, чтобы он поберег себя для нас и для благородных наук. Потому что мы возлагаем на это очень большие надежды.

Приветствует тебя и Андреас Карльштадт, чтущий в тебе дух Христов. Сам Господь Иисус да сохранит тебя навеки, дражайший Эразм. Аминь.

Я был многословен, но ты поймешь, что не всегда следует читать только ученые письма, иногда тебе надо быть слабым со слабыми.

В Виттенберге за пять дней до апрельских календ 1519 г. Брат Мартин Лютер.

ЭРАЗМ—ТЕОДОРИКУ ГЕЗИЮ¹ [2 сентября 1524 года]

Эразм Роттердамский Теодорику Гезию, секретарю Адриана, шлет привет!

Посылаю тебе сопоставление мест «О свободной воле», которое я издал па этих днях не без понимания того, насколько не за свое дело я взялся и какую грозу навлекаю па свою голову; однако я хотел показать, что у

==587

меня самого нет недостатка в доброй воле. Благожелательность к Лютеру день ото дня становится больше. Французы безумствуют еще больше, чем некоторые немцы. У всех на устах пять слов: Евангелие, слово Божье, вера, Христос, Дух. Однако я вижу здесь много таких людей, что нет сомнения — их ведет сатанинский дух! О, если бы это смятение, поднятое Лютером, как сильное лекарство, принесло нам хоть какое-нибудь здоровье! Если бы у меня было время, я мог бы тебе рассказать длинную историю о том, что здесь делают лютеране — так их называют, хотя они недостойны этого имени. Будь здоров.

В Базеле на другой день после сентябрьских календ 1524 г.

ЭРАЗМ—ЛЮТЕРУ

[18(15?) апреля 1524 г.]

Благодать и мир от Господа нашего Иисуса Христа! Я уже достаточно долго молчал, дражайший Эразм, и хотя ждал, что ты, старший, первым нарушить молчание[*ii*], однако, так как я напрасно столь долго ждал, думаю, само уважение к тебе побуждает меня начать. Для меня нисколько не служит предлогом то, что ты нас не одобряешь, намного более то, что тебе важно и цепно дело, направленное против моих врагов папистов. Вообще-то я без большого труда снес, что, издав книжонки в защиту их понимания благодати или же для смягчения их ярости, ты несколько раз нас сильно укусил и ранил.

Так как мы видим;, что Господь еще не дал тебе ни храбрости, ни разумения для того, чтобы вместе с нами открыто и уверенно возражать этим нашим чудищам, то в отличие от них мы не будем от тебя требовать того, что выше твоих сил и возможностей. Мы ведь терпели твое бессилие и меру дара Божьего[*iii*] в тебе и будем почтительны.

Конечно, никто в мире не может отрицать, что благодаря тебе процветают и царствуют науки, с помощью которых люди приходят к настоящему чтению библии, что у тебя великий и исключительный дар Божий, за который следует быть тебе признательными. Поэтому я ни

==588

когда и на хотел, чтобы, отбросив свою сдержанность и пренебрегши ею, ты присоединился к нашему лагерю, которому ты мог быть весьма полезен и долом, и умом, и красноречием, однако если у тебя нет такого желания, то безопаснее тебе служить своему дару. Одно только меня страшило: как бы противники не убедили тебя, издавая книжицы, напасть на наше учение, потому что в таком случае необходимость вынудила бы нас выступить против тебя открыто[*iv*].

Мы очень удерживали тех, которые, подготовив ениги, уже хотели вытащить тебя на арену: по этой причине я не желал издания Гуттенова «Требования», а еще менее — твоей «Спонгии»[*v*] судя по которой, если я не ошибаюсь, ты сам теперь понимаешь, сколь легко писать о сдержанности и упрекать Лютера в несдержанности, но сколь трудно, более того — невозможно ее проявлять, если нет на то исключительного дара Духа. Поэтому, хочешь верь, хочешь не верь — Христос свидетель, я от души тебе сострадаю в том, что ты навлек на себя столько ненависти и пристрастности столь большого числа людей. Не могу поверить, что тебя это не трогает (ведь твоя человеческая доблесть не равна этим полчищам). Впрочем, возможно, и ими движет праведная ревность и им кажется, что ты их подстрекаешь недостойным образом. И — сказать прямо — если они таковы, что по своей слабости не в состоянии вынести твоей едкости и притворства (тебе хотелось бы, чтобы их понимали как благоразумие и сдержанность), то, конечно, у них есть причина для гнева; будь они сильнее духом, они бы так не поступали. Хотя ведь и я весьма часто чрезвычайно раздражался и писал весьма едко, однако это случалось только разве по отношению к упорным и непокорным людям. Впрочем, мою кротость и мягкость по отношению к грешникам и нечестивцам, а также по отношению к безумцам и неправедным достаточно подтверждает не только моя совесть, но — я полагаю — и опыт многих людей.

До сих пор я сдерживал свое перо и собираюсь его сдерживать, несмотря на все твои нападки. Я даже написал об этом в письме к друзьям, тебе его читали, когда ты показывался на людях[vi] Ибо, хотя ты и не согласен с нами и очень многие пункты благочестия от

589

бесчестия либо от притворства осуждаешь либо устраняешь, я, однако, не могу и не хочу приписывать тебе упорство.

Как мне теперь поступать? Дело чрезвычайно трудное! Мне хотелось бы (о, если бы я мог стать посредником!), чтобы они перестали па тебя так сильно нападать и позволили твоей старости мирно почить во Господе. По-моему, они, конечно, так и должны были бы поступить, если бы приняли в расчет твою немощь и поняли величие дела, которое уже давно тебя переросло, особенно когда получилось, что нам мало опасности в том, что Эразм, нападая на нас изо всех сил, сеет при этом одни только колкости да остроты.

Хорошо бы тебе, мой Эразм, еще раз подумать об их слабости и отказаться от горьких и соленых фигур своего красноречия: если ты совсем не можешь или же не смеешь поддерживать наше дело, оставь его и займись своим.

Ты ведь и сам знаешь: в том, что они весьма скверно переносят твои укусы, есть некоторый смысл; разумеется, человеческое несовершенство понимает и очень страшится влияния и имени Эразма: совсем иное дело — укусил тебя один раз Эразм или же измолотили тебя все паписты!

Я хочу тебе это сказать, дражайший Эразм, в подтверждение искренности своего к тебе отношения. Я желал бы, чтобы Господь дал тебе дух, достойный твоего имени, если, конечно, Господь распорядится тебе дать его. Я же пока прошу тебя, если ты не можешь сделать ничего иного, будь только зрителем нашей трагедии, не присоединяйся к врагам, а главное — не издавай ты против меня книжонок, как и я не стану их против тебя издавать. Пойми, наконец, что те, которые жалуются, что на них нападают за то, что они последователи Лютера, люди, подобные тебе и мне, их надо щадить и прощать; как сказал Павел, следует «носить бремена друг друга»[vii] .

Хватит укусов, теперь надлежит позаботиться о том, как бы не съесть друг друга[viii]. Это зрелище было бы тем печальнее, чем вернее то, что ни одна из сторон от души не хочет зла благочестию, к тому же никто не желает уступить.

590

Будь снисходителен к моей некрасноречивости, и дай тебе Бог здоровья!

Рекомендую тебе Иоахима[ix]; этот молодой человек похож на нашего Филиппа, он сам себя отрекомендует более чем достаточно. В Виттенберге, 1524 год. Мартин Лютер.

ЭРАЗМ—ЛЮТЕРУ

[8 мая 1524 г.]

Я с тобой не согласен, что ты искреннее меня желаешь евангельской чистоты; ради нее я все терплю, до сих пор я выискиваю любой случай, чтобы приобщить всех к Евангелию. Впрочем, то, что ты называешь немощью или непониманием, отчасти разумение, а отчасти пронизательность. Я читал кое-что из написанного тобой и чрезвычайно опасуюсь, не дурачит ли тебя как-нибудь сатана? С другой стороны, меня это настолько тревожит, что хорошо бы моему страху оказаться ложным! Я не хотел бы открыто говорить о том, в чем пока не убежден, а еще менее — о том, чего не понимаю. До сих пор я судил о деле Евангелия вернее, чем многие, которые похваляются именем Евангелия. Я вижу, что под этим предлогом появляется много беспутных и мятежных людей, вижу, что гибнут благородные науки и просвещение, вижу, что рвутся дружеские связи, опасуюсь, как бы не начался кровопролитный бунт,

Если твои помыслы чисты, то молю, чтобы Христос обратил в добро то, что ты делаешь. Ничто не сможет меня обольстить настолько, чтобы я в здравом уме поступился Евангелием ради человеческих страстей.

До сих пор я ничего против тебя не писал; я сделал бы это при великом одобрении властителей[x] если бы не видел, что это не может произойти без ущерба для Евангелия. Я

только пренебрег теми, которые повсюду всячески пытались убедить властителей[xi] в том, будто у нас с тобой союз, будто мы с тобой во всем сходимся и в моих книгах есть все то, чему учишь ты. Это. мнение даже и теперь еще с трудом можно искоренить из их умов.

Меня не особенно тревожит то, что ты пишешь обо мне. Если посмотреть как следует — ничего не может

591

быть проще: я хочу прийти ко Христу с чистой душой и всем этого желаю. Если ты хочешь научить всех той вере, которая есть у тебя, подумай, почему же ты с трудом терпишь, когда с тобой говорят научения ради? Может быть, Эразм, пишущий против тебя, приносит Евангелию больше пользы, чем пишущие в твою защиту какие-то глупцы, из-за которых и нельзя быть зрителем этой трагедии — о, если бы она не имела трагического конца! Они-то и толкают меня в противоположную сторону, даже если бы меня не загоняли туда властители!

Их бесчестность делает Евангелие для разумных людей ненавистным, и властители принуждают усмирять их. мятежные бунты. Как бы не получилось, что пострадают невинные! Ведь они никого по слушают, даже тебя! Наполняют мир безумными книжонками, которыми намерены обесценить труды древних ортодоксов.

Но обо всем этом можно долго писать. Я молюсь, чтобы Господь все обратил во славу свою.

Ты желаешь мне сдержанности в «Спонгии»[xii], когда в «Спонгии» я ни слова не сказал о жизни Гуттена, о его роскоши, о пьянстве, о дерзком распутстве, о глупейшей его похвальбе, которой никто из друзей не в силах вынести, о расточительстве, о деньгах, отнятых у картезианцев, об ушах, которые он отрезал у двух проповедников, о разбое, который он учинил трем аббатам на большой дороге, за какое-то преступление казнили одного из его слуг, и о других широко известных его преступлениях.

И это в то время как он, не будучи вызван на это ни одним моим словом, предав дружбу в угоду какому-то бездельнику, хуже которого ничего и быть не может, возвел на меня. столько ложных обвинений, сколько только может наплести один негодяй па другого,

О вероломнейшем распространении письма архиепископу Маенонейю[xiii] я говорю, не называя его имени; о другом вероломстве, которое было им допущено по отношению ко мне, я молчу. О том, как он добился от меня многих рекомендательных писем ко двору короля, когда сам уже был в заговоре против короля и желал воспользоваться именем короля для обольщения супруги![xiv]

Так он поступил с том, кому я был столь обязан! Разве у меня пет права говорить против него? Однако меня же называют несдержанным! Чего хотят Отто[xv]

592

с Гуттенем? Ни разу не задетый ни одним моим словом, он так неистовствует!

Ты говоришь, что эти люди подобны мне. Я же считаю их не людьми, а фуриями — не хватает только, чтобы я признавал их подобными себе! Через таких-то вырожденцев и может восстановиться Евангелие?! Это они и есть оплот возрождающейся церкви?! И мне следует присоединиться к их союзу?!

Но об этом более чем достаточно. Иоахим очень понравился. Досадно, что у Меланхтона не было возможности [приехать]. Господь Иисус да направит твой ум к решениям, которые достойны Его Евангелия.

В Базеле, наскоро, на другой день после майских нон 1524 г.

ЭРАЗМ—ЛЮТЕРУ

11 апреля 1526 г.

Эразм Роттердамский Мартину Лютеру шлет привет. Твое письмо получено поздно[xvi] ; оно не встревожило бы меня, даже если бы пришло чрезвычайно вовремя. Я не столь ребячески простодушен, чтобы после получения многих более чем смертельных ран удовлетвориться одной-двумя шуточками и тем, что меня погладили[xvii] . Каков твой нрав, теперь уже знает весь мир. Ведь ты так смирил свое перо, что до сих пор ни против кого не

писал ничего яростное, гнуснее и злее. Здесь ты, разумеется, утверждаешь, что ты жалкий грешник, а в другом месте требуешь, чтобы тебя считали богом. Ты пишешь, что наделен сильным характером и находишь удовольствие в своем замечательном доказательстве. Чего же ты но ополчился во всем своем дейносис против епископа Фишера Рочестерского[xviii] или же против Кохлея?[xix] Они называют тебя по имени, донимают злословием, в то время как моя Диатриба рассуждала благопристойно. Какое значение для доказательства имеют все шутовские попреки, злостные наветы, будто я и "атеос" **, и эпикуреец, и скептик во всем, что касается христианского исповедания, и нечестивец, и чего только нет! Все это

* бесовстве (греч.).

** безбожник (греч.).

593

я сношу без труда, потому что здесь нет ничего, что вызывало бы у меня угрызания совести. Я не хотел бы и дня прожить, думай я о Боге и о Священном писании не по-христиански. Если бы ты вел дело с большей горячностью, чем обычно, однако без неистовых поношений, ты восстановил бы против себя меньше людей. Ныне же, в полном соответствии со своим расположением ума, тебе было угодно запясть этим треть тома. Насколько ты мне здесь уступаешь, показывает само дело. Ты приписываешь мне столько явных преступлений, в то время как Диатриба не хотела задевать ничего такого, о чем бы мир и так не знал.

Я полагаю, ты воображаешь, что у Эразма нет покровителей. Есть, и больше, чем ты думаешь. Однако то, что произошло между нами обоими, не столь важно; во всяком случае, для меня, потому что я скоро оставлю все это, даже если весь мир станет этому аплодировать. Одно меня мучает, как и всякого добропорядочного человека: то, что ты своим дерзким, необузданным, мятежным нравом сотрясаешь весь мир гибельным раздором. Добрых людей, любящих благородные пауки, ты отдаешь на произвол каких-то безумных фарисеев, дурным же людям, жадным до нововведений, даешь оружие для мятежа. Короче говоря, ты так истолковываешь дело Евангелия, что смешиваешь все—святое и нечестивое, как бы стараясь, чтобы эта беда не сменилась когда-нибудь добром, чего я всегда напряженно ожидал. Тем, как ты мне обязан и как ты меня вознаградил,— этим я пренебрегаю. Это все—частное дело; мучает же меня общее бедствие, неизлечимое повальное смятение, которым мы не обязаны ничему, кроме твоего необузданного права, непереносимого для друзей, дающих тебе добрые советы, и поддающегося влиянию всяческих вертопрахов и темных людей. Кого ты вырвал у сил тьмы— я не знаю. Против этих неблагодарных ты и должен был направить острие своего пера, а не против сдержанного обсуждения.

Если бы ты не был столь доволен своим образом мыслен, я бы пожелал тебе лучшего. Мне пожелай, чего хочешь, но только не своего образа мыслей, если только Господь тебе его не переменит. В Базеле, 11 апреля 1526 года, в день получения твоего письма.

[i] Капитон Фабриций Вольфганг — см. примеч. 10, с. 694.

1 Теодорик Гезий (ум. в 1555 г.) - секретарь папы Адриана VI; учился в Лувене, с 1525 г. под влиянием лувенских теологов стал недоброжелательно относиться к Эразму. С 1540 г.— инквизитор Фламандии и Брабанта.

[ii] ...первым нарушить молчание...- ср.: Вергилий. Энеида, 10, 63.

[iii] Ср.: Рим., 12, 3; Еф., 4, 7.

[iv] Ср.: Гал., 2, 11

[v] «Спонгия» - см. письмо Эразма к Лютеру от 8 мая 1524 г., примеч. 3; ср. письмо Лютера к базельскому теологу К. Пелликану от 1 октября 1523 г.

[vi] По-видимому, Лютер ссылается на письмо от 28 мая 1522 г. к одному из своих единомышленников в Лейпциге. см.: WA Briefe, II.

[vii] Гал., 6. 2.

[viii] См.: Там же. 5. 15.

[ix] Камерарий Иоахим (1500—1574)—член эрфуртского кружка гуманистов, филолог,

педагог, ученик и Друг Ф. Меланхтона.

[x] ...при великом одобрении властителей.— Речь идет о герцоге Саксонском.

[xi] До Эразма дошли слухи, что против него польский король Сигизмунд.

[xii] «Спонгия — сочинение Эразма, направленное против Ульриха фон Гуттена (губка, пемза (греч.), которой Эразм хотел «стереть» обвинения Гуттена, очиститься от них), «Требование» (или «Спор с Эразмом Роттердамским») Гуттена вышло из печати в Страсбурге в июле 1523 г. Меланхтон в письме к Спалатину от 3 июля 1523 г. отзывался об этом сочинении Гуттена как о «настоящем недостойном поступке». Эта борьба Руттена с Эразмом была своеобразным эпилогом в трагедии немецкого гуманизма.

[xiii] Речь идет о письме Эразма кардиналу-архиепископу Альбрехту Майнцскому от 19 октября 1519 г.

[xiv] ...для обольщения супруги.- Гуттен собирался жениться на Кунигунде Глаубургер из Франкфурта.

[xv] Отто Брунфельс (1488-1534) - друг Ульриха фон Гуттена и многих реформаторов: выступал против Эразма. В 1525 г. решил примириться с Эразмом, который согласился на примирение. В 1524-1525 гг. Отто Брунфельс по рукописям, принадлежавшим Гуттену, в Страсбурге издал сочинения Яна Гуса, которого Лютер называл «воистину мучеником Христовым» (письмо к О. Брунфельсу от 17 октября 1524 г.; см.: WA Briefa, III).

[xvi] 13 марта 1526 г. Эразм уже отправил экземпляр своего ответа М. Буде (M. Boudet).

[xvii] Ср.: Адагии, IV, 1, 3.

[xviii] См. примеч. 6, с. 694.

[xix] Ni. примеч. 7, с. 694.